

Утрата активности всех рассмотренных названий оружия и даже исчезновение большинства их объясняется тем, что, как выше отмечалось, в XVII в. само оружие, ими обозначавшееся, стало употребляться все более редко.

Появление целого ряда названий боевых ножей в последней трети XVI — начале XVII в. и всплеск активности всей этой тематической группы слов в памятниках письменности 60-х годов XVI в. — 30—40-х годов XVII в., по-видимому, отражает время массового и активного использования весьма еще несовершенного ручного огнестрельного оружия в Московском государстве — оружия очень громоздкого, еще недостаточно обособленного от артиллерии (свидетельство тому — двузначность слов *пищаль*, *тюфяк* и даже *пушка*, обозначавших именно в ту пору как ручное оружие, так и артиллерийское оружие.) При наличии такого громоздкого и несовершенного оружия, требовавшего специальной подставки для точного поражения цели, подставки, которую в условиях боя далеко не всегда возможно было использовать (и потому огонь из таких пищалей был приблизительным), пехотинец вынужден был дополнительно вооружаться армейским ножом или небольшим тесаком, исполнявшими функции «кинжала милосердия» при настижении противника, раненного с определенного расстояния пищалю. При таком массивном огнестрельном оружии сабли как дополнительный вид вооружения чрезмерно сковывали подвижность пехотинца. С усовершенствованием ручного огнестрельного оружия и распространением в Московском государстве пистолетов в первой трети XVII в., с одной стороны, а к концу XVII — началу XVIII в. штыков — с другой, необходимость в боевых ножах все больше отпадает, и применение этого вида оружия резко сокращается, что и получило отражение в истории рассмотренной группы слов.

В. Н. Топоров

ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ II (1—3)

Предлагаемые здесь этимологические опыты продолжают серию предыдущих исследований¹, ставящих перед собою цель не только этимологически объяснить данное неясное (или не вполне ясное) слово в том или ином языке, но и наметить его связи с соответствующими словами других индоевропейских языков, остававшиеся до сих пор не отмеченными или не доказанными с достаточной надежностью именно из-за того, что общий индоевропейский источник в каждом из сохранивших его языков обретал

¹ Ср.: Топоров В. И. Из индоевропейской этимологии (I, 1—4). — В кн.: Структурно-типологические исследования в области славянских языков. М., 1973, с. 140—154.

разную систему связей и, следовательно, по-разному мотивировался семантически. Таким образом, исходное положение более или менее одинаково: сохранение достаточно близкого формального сходства при существенных расхождениях в значении. В задачу, преследуемую в этих заметках, входит прежде всего указание тех ключевых ситуаций (узлов), в которых происходили семантические сдвиги («переключения»), и характера (направления) этих элементарных сдвигов с тем, чтобы восстановить, хотя бы в общем виде, схему семантического развития данной индоевропейской лексемы. Этим заданием определяется краткость этих заметок² и их преимущественная апелляция к исходному индоевропейскому уровню, с точки зрения которого и оценивается, как правило, последующая семантическая эволюция.

1. Ведийское *vañkú-*

Это редкое ведийское слово составляет не столько даже этимологическую, сколько экзегетическую проблему, хотя и этимология его остается, строго говоря, не выясненной до сих пор³. Слово *vañkú-* отмечено только в «Ригведе» и всего пять раз: I, 51, 11 (дважды); 114, 4; V, 45, 6; VIII, 1, 11. Третьижды оно определяет коней богов (Индры и Ваты). Ср. *índro vañkú vañkútárá dhi tiṣṭhati*. I, 51, 11, где говорится о том, что Индра садится на двух коней (самого слова «конь» в тексте нет), ха-

² Замечание о краткости важно в том отношении, что существует бесспорная зависимость между объемом этимологической истории слова, измеряемым числом элементарных изменений «звукового» и «смыслового» состояния (включая и так называемые «нулевые» изменения, когда в данном слове самом по себе изменений не происходит, но меняется связанное с этим словом актуальное окружение, что и вызывает автоматическое «передвижение» данного слова, точнее — некоторых его составляющих, в другой, с точки зрения эволюции — следующий, статус), и объемом описания этой этимологической истории слова. Указанная связь не может быть сведена исключительно к механической зависимости (по формуле «многое о многом»): она всегда указывает определенные параметры этимологической сложности слова, каждый из которых непременно должен быть прокомментирован в описании, и, следовательно, на исковой глубине помогает установить дифференцированное соотношение объекта исследования и его описания, в котором (в описании) проступает некая структура, не зависящая от произвола исследователя (так сказать, от его «внешней» воли), но только от самого исследуемого объекта. Результат этимологического анализа, формулируемый обычно в таком виде, как «слово *k* языка А этимологически связано со словом *l* языка В, и оба они восходят к слову *t* языка С», находит адекватное отражение в подобных формулах (пздесь уже только от установок исследователя зависит дать этот результат предельно кратко в виде формулы соответствия или *in extenso*), но этимология слова как таковая не может быть сведена к этим формулам. Она сама как бы берет исследователя в свои руки и заставляет его описывать себя ровно с той степенью подробности, которая характеризует ее самое в разрезе ее исторического развития.

³ Положение дел точнее всего отражается словами — «ein nicht einmütig übersetztes, wohl zur Sippe von *vāñcati* gehöriges Epitheton», см. *Mayrhofer*. Lief. 19, S. 124.

рактизуемых свойством, обозначаемым в положительной (*vañkú-*) и в сравнительной (*vañkutāra-*) степени, а также: *vañkū vātasya parñinā*. VIII, 1, 11, о крылатых (конях) Ваты, также описываемых как *vañkū-*. Эти три случая были оценены как наиболее простые и надежные при установлении значения слова *vañkū-*. Найденное (вернее, подобранное по принципу правдоподобия, во всяком случае непротиворечивости) значение — 'летающий' ('fliegende' в переводах Гельднера)⁴, 'быстрый' ('rapide' в переводе Рену) — было перенесено и в другие места. При этом оказалось, что и там при допущении такого толкования получается более или менее осмысленный текст. Так, стихи из гимна Рудре I, 114, 4 а—b:

tveṣāṃ vayāṃ rudrāṃ yajñasādham
vañkūṃ kavīm āvase nī hvayāmahe —

Гельднер перевел как «Wir rufen den funkelnden Rudra, den Opfererfüller, den fliegenden (?) Seher zur Gnade herab» (ср. «le poète volant» в переводе Рену)⁵, а стихи из гимна Всем Богам V, 45, 6:

éta dhīyaṃ kṛṇāvāmā sakhāyō
.....
yāyā vañig vañkūr āpā pūrīṣam —

он перевел как «Wohlan! Wir wollen das Gebet verrichten, ihr Freunde . . . durch das der fliegende Kaufmann denn Quell erlangte». И даже образ «летающего» купца, по мнению Гельднера, получил подтверждение (правда, косвенное) в свете двух других мест из «Ригведы» (I, 112, 11 и VI, 4, 6 с—d)⁶.

Тем не менее, перевод *vañkū-* как 'летающий' или 'быстрый', — безобидный в одних случаях и грозный серьезным искажением смысла текста и порождением фантомных образов в других случаях, — принципиально неверен. Помимо ряда других соображений, которые прояснятся позже, достаточно сослаться уже на основного комментатора «Ригведы» Саяну, который не только нигде не говорит о мотиве полета, летания, но и намечает — в конечном счете — путь к правильному толкованию приведенных мест и даже к верной этимологии. Ср. к I, 51, 11: *vañkū vañkutārā atīṣayena kuṭilaṃ gacchantāv aśvau... yad vā vañkutārā atīṣayena vakraṃ gacchati rathe vañkū vakragamanaśīlāv aśvau*, т. е. «*vañkū vañkutārā* [значит:] очень криво

⁴ Это значение, конечно, подкреплялось и известным образом летающих небесных коней, и обозначением их как *parñin-* 'крылатые' (от *parñā-* 'крыло').

⁵ Парящий мыслью поэт также принадлежит к числу стандартных образов, как и «летучий» стих, «слетающая» с небес поэзия и т. п.

⁶ Подробный разбор толкований мест, в которых употребляется *vañku-*, и новые предложения по этому вопросу см.: *Elizarenkova T., Toporov V. Vedic vañkū-*. — In: Felicitation Volume in Honour of prof. L. Sternbach. Delhi, 1981.

движущаяся пара коней . . . или же *vaṅkutarā* [значит :] он очень криво движется на колеснице; *vaṅkū* [значит :] пара коней, которым свойствен кривой ход (или: обладающих природой движения по кривой)⁷; к VIII, 1, 11: *vaṅkū vakragāminau*, т. е. «*vaṅkū* — двое криводвижущихся»; к I, 114, 4: *vaṅkum kuṭilagantāram*, т. е. «*vaṅkum* [означает] движущегося не прямо». Что касается V, 45, 6, то в связи с этим местом Саяна рассказывает в пояснение легенду о певце Какшиванте, который, подобно купцу, за малое деяние желая получить многое, п р о б и р а л с я через лес, ища воды. Естественно, что и здесь нет даже призрака «летающего» купца. Зато из объяснений, данных Саяной вед. *vaṅkū-*, следуют два важных, связанных друг с другом заключения, имеющих прямое отношение и к значению слова, и к его этимологии. Речь идет о мотиве движения нестандартного типа (непрямом, кривом и т. п.) и о связи этого действия с элементом *vakrá-*, 'согнутый', 'искривленный', 'согбенный', 'скрученный'; 'кривой', 'косой', 'косвенный'; 'окольный', 'уклончивый', 'извилистый', представляющим собой Adj., связанный с глаголом *vaṅs-* 'итти криво', 'пошатываться' ('wanken', ср. нем. *wanken* и др.), который восходит к комплексу **va-n-k-* (: *vaṅkū-*).

Хотя определение значения слова по его этимологии нельзя считать вполне корректным (впрочем, строго говоря, здесь это и не предлагается), существуют условия, в которых обращение к этимологии не только не возбраняется, но, напротив, является весьма целесообразным. В частности, такая апелляция к этимологии уместна и полезна в тех случаях, когда количество контекстов данного слова и сам их характер ограничен и не дает возможности определить значение слова с достаточной надежностью, но ставит исследователя перед неминуемым выбором одной из возможностей. Чтобы облегчить себе этот выбор, и обращаются к этимологическим данным, включая соответственно и внешние сравнения. Если этимологическое решение надежно и, к тому же, существуют убедительные типологические параллели к семантической мотивировке данного слова, то выбор значения слова заметно упрощается. Вед. *vaṅkū-* как раз и является таким случаем.

Анализ уместно начать не с самых простых случаев, как это обычно делалось, а, напротив, с более сложного — с использования *vaṅkū-* в мифопоэтической сфере. Здесь прежде всего привлекает к себе внимание образ Р у д р ы, обозначенного как *vaṅkūm kavīm*, т. е. поэт, обладающий свойством *vaṅkū-*. В свое время была продемонстрирована целая серия общих характеристик, объединяющих Рудру с Аполлоном⁸:

⁷ См.: *R̥gveda-Saṁhita with the Commentary of Sāyaṇāchārya*, V. I—V. Poona, 1966.

⁸ См.: *Grégoire H.* (avec la collaboration de R. Goosens et de M. Matthieu). *Asklépios, Apollon Smintheus et Rudra. Études sur le dieu à la taupe et le dieu au rat dans la Grèce et dans l'Inde.* — Académie Royale de Belgique. Classe des Lettres et des Sciences morales et politiques. Mémoires. 1949, t. XLV, p. 148, ср. также p. 127 и след.

Рудра (стрелы) — болезни
Исцелитель

Животное Рудры (через его
сына Ганешу) — мышь

Животное Рудры — крот

Сын Рудры Ганеша — бог поэзии
и т. п.

Аполлон (стрелы) — болезни
Исцелитель

Животное Аполлона — мышь
(ср. 'Ἀπόλλων Σμυνηθεύς)

Животное Аполлона (через его
сына Асклепия) — крот

Аполлон — бог поэзии

В этом же ряду было проициательно указано (R. Goosens' ом) соответствие между обозначением Рудры как *vanḱú-* и эпитетом Аполлона *λόξιας* 'искривленный', 'извилистый', 'запутанный' (в своих вещаниях), отмеченным у трагиков (Эсхил, Софокл и др.). Некогда это слово относилось и к обозначению непрямой, вихляющей походки, как у крота, или мыши⁹; ср.: *λοξο-βάτης* 'идущий косо', 'с косою походкой', *λοξο-πορεύω* — о движении по косою линии, *λοξο-τροχίς* 'идущий кривыми путями' (также и 'вещающий туманно, неясно', например, о Кассандре¹⁰), а также *λόξος*, объединяющее в себе значения 'косою', 'наклонный' и 'запутанный', 'туманный' (в частности, в связи с ответами, ср. *λόξά ἀποκρίνεσθαι*). Есть все основания предполагать, что и вед. *vanḱú-* находилось в аналогичном семантическом поле и, следовательно, означало не 'летающий', 'летающий' (как у Гельднера) или 'быстрый' (как у Рену) и т. п., а что-то вроде 'изворотливый', 'увертливый', 'ловкий', 'оборотистый' и т. д. как актуализация другого мифологически отмеченного полюса, связанного с уклонением от прямоты (т. е. ловкость *vice versa* неловкость; нечто более эффективное, чем прямота, *vice versa* нечто менее эффективное, чем прямота).

Этимологические связи вед. *vanḱú-*, описываемые обычно весьма неполно, в достаточной степени подтверждают высказанное выше семантическое предположение. Кроме ближайших внутренних параллелей, уже упоминавшихся (ср. отмеченный уже в «Атхарваведе» и «Ваджасанеи-Самхите» глагол *vañs-*, связанный с авест. *vašyete* 'wogt', или вед. *vakrá-*) или еще не упоминавшихся, но заслуживающих этого (ср. др.-инд. — только в «Ригведе» — *vákva-*, *vákvan-*, fem. *vákvar-ī*, нечто вроде 'кружащееся', 'колышащееся', 'неспокойное'¹¹ из **vñk-* / : *vanḱ-* /, или же др.-инд. *vanḱara-* 'изгиб реки', 'лука', *vanḱa-* то же и особенно обозначение ребра — *vāñkri-*¹² и др.)¹³, — особого внимания заслужи-

⁹ Ср., в частности, *λόξά βαίνειν*, о крабе (*Babrius*, 109,1); *λοξοβάτης χαρτί-νος* (*Batrachomyomache*, 295); *λόξος ὄφις* (*Callim.* Epigr., 26) и т. п.

¹⁰ Ср. признание другой пророчицы: *Α γ α ι δ υ — ζ α μ ν ο ι β ε δ α, | Η ε ν π ρ α μ ο ι η κ ο σ ο . . .*

¹¹ Сюда же, конечно, и авест. *vašta-* 'искривленный', лат. (*con*)*verxus*, ср.-ирл. *feccaid* 'нагибается', 'кланяется' и др.

¹² Это образование интересно тем, что к идее кривизны отсылает не только инфигированный корень *vanḱ-*, но и суф. *-ri-*, с которым связаны любопытные модификации значения. Г. Нейман (*KZ*, 1958, Bd. 75, S. 88) отмечает присутствие *-ri-* в словах, передающих нечто искривленное, часто — в че-

вают балтийские факты, реализующие обе разновидности индоевропейского корня **ue-n-k-* и **ue-n-g-*¹⁴, которые постулируются уже для самого раннего состояния, но, возможно, обнаружимы и в индийских языках (речь идет о том, что наряду с др.-инд. *vañk-*, *vañs-* отмечена, правда, только в «Дхатупатхе» и у грамматиков, форма с исходом на звонкий, а именно — *vañg-* 'идти', 'хромать' (!), ср. пали *vaṅgati*, то же в «Дхатупатхе»¹⁵.

Балтийские факты, сопоставляемые ниже с др.-инд. *vañkū-* и связанными с ним другими индо-арийскими лексемами, тем важнее, что они образуют густую сеть связанных друг с другом форм, представляющих все возможные варианты вокализма и разные типы основ. Здесь достаточно ограничиться лишь основными параллелями, имеющими преимущественное отношение к семантике вед. *vañkū-*. Ср. лит. *vinklūs* 'ловкий', 'проворный', 'гибкий'; 'увертливый' (ср. *vinklioti* 'спутать', 'запутать' и т. п.¹⁶), *vinkrūs*, то же¹⁷; *vingrūs* 'извилистый', 'изворотливый'; 'замысловатый', 'затейливый', 'мудреный' (в том числе и о речи, о словах, ср. выше о др.-греч. *λόξιας*), *vingrūmas*, *vingris* 'увертка', 'уловка', *vingrybė*, *vingūs* 'извилистый', 'изогнутый', 'сплетенный'; 'пронырливый', 'изворотливый', 'ловкий', *vingis* 'изгиб', 'извив', 'извилина', 'излучина', 'зигзаг' и т. п. (ср. *vingiūoti* 'искривляться', 'извиваться' и т. п.)¹⁸; *vangūs* 'вялый', 'медленный', 'ленивый', *vangūmas*; *vāngstytiš* 'увертываться', 'увиливать', 'избегать' (ср. *vāngstytiš duōti atsākymo*, об увиливании от ответа, при др.-греч. *λοῦξ ἀποκρίνεσθαι*); *vēngti* 'избегать', 'уклоняться', 'увиливать' (*vēngti atsākymo* 'уклоняться от ответа'), *iš-vēngti*, *venginėti*, *vengimas* 'увиливание', 'уклонение', *vengėjas*

ловеческом теле («Körperteil, an dem eine Krümmung sichtbar ist» или «Teil, der sich krümmt»).

¹⁴ Вероятно, сюда же нужно отнести др.-инд. *vākṣa-* 'грудь' (: осет. ирон. *wəḥšk-* 'плечо', сак. *hūṣa* 'какая-то часть тела', из **vaḥṣa-*, **uḥṣa-*), *vakṣānā* 'грудь', 'брюхо', 'вымя' и т. п. См.: *Mayrhofer*. Lief. 19, S. 121—124, 127.

¹⁵ См.: *Pokorny* I, S. 1134—1135, 1148—1149; *Fraenkel*, S. 1256 и др. В связи с элементом *-n-* см. также: *Kuiper F. B. J.* Die indogermanischen Nasalpräsentia. Amsterdam, 1937, S. 142.

¹⁶ Ср.: *Turner R. L.* A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. Fasc. IX. London, 1966, p. 652—653. Разумеется, при анализе *vañkū-* необходимо помнить и о др.-инд. *vañka-* 'согнутый', 'искривленный'; 'изгиб реки', которое, по мнению Тёрнера (№ 11191), подверглось влиянию близких по звуковому составу слов из неарийских языков и связывалось, как и *vañkū-* в народной этимологии с *vakrá-*. К *vañka-* восходят пали *vañka-*, пракр. *vañka-*, цыг. *bango*, ория *bāñka*, бихари *bā*, майтх. *bāḱ*, хинди *bāḱ* и другие новоиндийские формы. Ср. также Turner № 11192: **vañka-*², обозначающее дефектность и № 11193: *vañkara-* 'искривленный', 'берег реки', ср. бходж. *bākar*.

¹⁷ При сравнении с *vinklūs* особенно ярко выступает идея отступления от порядка как обычного статуса.

¹⁸ Ср. др.-инд. *vāñkri-*, но *vañkū-*, т. е. *-r-*: *-u-* при их объединении в лит. *vink-rū-s*.

¹⁹ Ср. *vingurỹs*, *vingulỹs* 'угорь' при более обычном *ungurỹs*.

'избегающий', 'увиливающий' и др. Эти литовские слова поддержки надежными примерами и из других балтийских языков. Ср. прусск. *wīngriskan* 'изворотливость', 'хитрость' (нем. 'List') или латышские «куронизмы» *viņgrs* 'упругий', 'крепкий', 'свежий', *viņgrums* 'упругость', *viņgruōt* 'заниматься гимнастикой', *viņgrinātis* 'упражняться'¹⁹ и особенно (имея в виду семантику) *viņgruōtiēs* 'медленно, неловко, неумело идти', 'извиваться', 'тратить попусту время', 'быть раздерганным' и т. п.; *vengre* 'Ranke' (ср. нем. *rank* 'гибкий', 'стройный'); *vanga* 'Henkel an Gefäßen', 'Schlinge', 'Fessel(n)', 'Band' (Mühlenbach—Endzelin, s. v.)²⁰ и ряд других форм²¹. Этот круг примеров, естественно, может быть расширен и далее (ср. гот. *un-wāhs* 'безупречный', др.-англ. *wōh* 'кривой', 'перевернутый', др.-сак. *wāh* 'зло'; др.-исл. *vā* 'Winkel', 'Unheil' и т. п.). Тем не менее, уже приведенные примеры дают основание для реконструкции общей семантической схемы, внутри которой получает свое оправдание и объяснение вед. *vañkū-* (как и связанные с ним слова), и исходного смысла и.-е. **uenk-* / **uonk-* — отклонение от некоего нормального («прямого») состояния в результате неумения, отсутствия возможностей (так сказать, «недоотягивания» до нормы), или, напротив, в результате «перекрытия» нормы (ее превосхождения), открывающего некие сверхвозможности. Отсюда сочетание положительных и отрицательных смыслов у продолжателей и.-е. **uenk-* **uonk-*, их экспрессивность (во всяком случае не нейтральность). Этим элементом кодировались понятия, относящиеся прежде всего к сфере движения и состояния субъекта этого движения. Особого внимания заслуживают также случаи употребления этого комплекса в связи с обозначением особого, нестандартного, «непрямого» модуса мысли и речи (слова)²². Ведийские примеры употребления *vañkū-* фиксируют укорененность этого слова и в сфере действия (дела), и в сфере речи и мысли. Более того, вед.

¹⁹ Круг значений в этих латышских словах предполагает в качестве исходного смысла что-то вроде 'гибкий', 'ловкий' (откуда — 'упругий', 'сильный', 'цепкий'), т. е. п о л о ж и т е л ь н о е (с усилением) отклонение от нормы — прямоты как устойчивого состояния по отношению к кривизне и к гибкости.

²⁰ Ср. лит. *āt-vanga* 'отдых', 'покой' при *vangūs* 'ленивый' или прусск. *wangan* 'ковец', *wangint* 'кончать'.

²¹ См.: *Fraenkel*, S. 1195, 1223, 1256—1257. Существенно, что балтийские языки сохраняют видимо, и безыфиксные формы, ср. лтш. *vaīgs* 'щека' (: нем. *Wange*, др.-в.-нем. *wanga*) и др. Не исключено, что и этимологически неясное лит. *vokas* 'веко', 'конверт' (ср. рус. *вѣко* и др.) может рассматриваться как вариант того же корня без инфикса (в таком случае речь могла бы идти о таких значениях, как 'сгиб', 'покрытие', 'завеса' и т. п.). В этом отношении, конечно, очень показательны и такие иранские формы, как согд. *yw'nk* 'articulation', выводимая из **vi-vanka-* или осет. дигор. *iuong*, *iong*, 'сочленение', пров. *ong* (см.: *Benveniste E. Études sur la langue ossète*. Paris, 1959, p. 15).

²² Наряду (см. выше) с таким же модусом в сфере д е л а (движение).

vaṅkū- задает единство той сферы, в которой оно выступает, или, другими словами, свидетельствует о единстве связываемого с ним значения, независимо от условий употребления слова. Соответственно сказанному должны быть внесены коррективы и в толкование (и перевод) тех мест «Ригведы», где встречается это слово. Вед. *vaṅkū-* как эпитет коней Индры и Ваты уместнее всего, видимо, передать, как 'ловкий', 'верткий', 'увертливый', 'оборотистый' и т. п. (ср. рус. *вѣрткий, увѣртливый* и т. п. — от *вертѣть* как обозначения непрямого, кругового или частично-кругового (по дуге) движения). В V, 45, 6 «летающего купца» вполне можно заменить на «купца, идущего извилистым путем»²³. Как эпитет поэта (см. I, 114, 4: о Рудре) *vaṅkū-* также следует понимать как 'извилистый', 'с извилистой (речью)', 'витиеватый', собственно говоря, как 'владеющий поэтической речью', поскольку она по определению 'непрямая'. В настоящее время становится ясным, что изощренная репутанность «извилистость» (своего рода «кривизна»), зашифрованность были вполне осознанным принципом архаичной поэтической речи, что снова отсылает нас к особой теме «непрямого» модуса речи древних индоевропейских поэтов типа индийских *kavi*²⁴ или латинских *vātes* (ср. посмертно опубликованные работы Ф. де Сосюра по поэтике). Эта поэтическая «кривизна» (*vaṅkū-*) намного пережила индоевропейскую эпоху. Достаточно напомнить о так называемом *vakrokti* (буквально — 'изогнутое выражение', обозначение двусмысленной речи: *vakra- & ukti-*, ср. *vāc* 'речь', 'слово')²⁵,

²³ Иначе говоря, кривым путем. В свое время Кейпер, допуская для *vaṅkū-* подобное значение, полагал, что это слово могло бы объясняться заимствованием из неарийского источника. См. *Kuiper F. B. J. Proto-Munda Words in Sanskrit*. Amsterdam, 1948, p. 87.

²⁴ Интересно (в свете поэтических ассоциаций вед. *vaṅkū-*) упоминание *Uśana Kāvya*, певца-провидца, в I, 51, 11, т. е. именно там, где отмечено и слово *vaṅkū-*.

²⁵ Обращает на себя внимание исключительная близость друг к другу форм, к которым восходят, с одной стороны, *vakrā-*, *vaṅkū-*, а с другой, *vāc* (*vākti*), т. е. соответственно: **ṛok-* (:*ṛo-n-k) и **ṛok** (:*ṛek*). При этом, видимо, существовали и *verba dicendi* с инфиксом — **ṛe-n-k**: **ṛo-n-k**, ср. тох. *A wānk-* 'болтать' (о котором см.: *van Windekens A. J. Le Tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes*. V. 1. La phonétique et le vocabulaire. Louvain, 1976, p. 544—545) или рус. *вѣкать* (? — если только это не экспрессивная форма со смягчением, ср. другой тип эмфазы — *vavĕkātĕ*), которые в таком случае образовывали бы инфигированный ряд к др.-инд. *vāc* (Nom. Sg. *vāk:* *vākti*), авест. *vaxš-*, лат. *vōx* (: *vocō*), др.-греч. *ἔπος*, кипрск. *Ἐπέος* и т. п. Соотношение **ṛok-*: **ṛok**: или **ṛek-*: **ṛek** как раз фиксировало бы отклонение от нормы, одновременно являясь базой для таких *figura etymologica*, как образы «извилистого слова» (*vaṅkū-* & *vāk:* *vākti*) или «шатающегося, колеблющегося, хромающего слова-речи» (ср. лат. *vacillō* & *vōx*). К *vakra-ukti-* ср. также *an-ukta-* 'несказанное' (при термине ирландской средневековой поэтики *anocht*, обозначающем неправильные формы, которых нужно остерегаться в поэтических текстах).

термине, обозначающем затейливый (непрямой), даже вычурный оборот речи в поэзии и встречающемся во всех основных древнеиндийских трактатах по поэтике²⁶. Существенно, что здесь выступает слово того же корня, что и *vañkū-*.

2. Др.-греч. μάχαρ, μαχάριος и др.

Разбираемые древнегреческие слова — μάχαρ, μαχάριος 'блаженный', 'счастливый', 'благоденствующий', 'богатый', μαχάρια 'блаженство', 'счастье' и целый ряд производных (в том числе verb. denom. μαχαρίζω, известный уже в «Одиссее») — принадлежат весьма важному кругу понятий с далекоидущими мифопоэтическими ассоциациями²⁷, но остаются этимологически совершенно неясными. Во всяком случае оба новейших этимологических словаря единодушны относительно этих слов: «Ohne Etymologie», «Pas d'étymologie»²⁸, причем в этом приговоре отчетлив признак некоей безнадежности, резиньяции (Noli me tangere. . .). И, в самом деле, в предлагавшихся объяснениях этих слов настолько игнорировался динамический аспект семантики, т. е. определение той ситуации, в которой может формироваться понятие «блаженство», что отрезались все возможности обнаружения подступов к семантическим поискам. Между тем, блаженство, как и святость, не есть оценка некоего состояния по шкале «хорошо — плохо», но само это состояние. Обретение этого статуса всегда связано с переходом в него из какого-то другого состояния и отмечающей этот переход процедурой. Поэтому внимание исследователя должно направляться на установление некоего внеязыкового факта, который мог иметь отношение к семантической мотивировке слова. В данном случае уместно обращение к типологическим параллелям, которые уточняют возможности выбора вариантов семантического развития. Но перед этим целесообразно сказать о некоторых осо-

²⁶ К связи идеи «кривого», «извилистого» с поэтом-жрецом, очевидной для 'Απόλλων Λοξίας, ср. многочисленные примеры «искривления», «деформации» поэтического слова (например, у ирландских филидов), а также обозначения жреца-пророчателя, поэта по признаку к р и в и з н ы. Здесь, пожалуй, следует назвать один из наиболее ярких образов. Древние литовские жрецы-поэты носили имя *Krīvis*, *Krīvaitis*, от Adj. *krīvas* 'кривой' (ср. *kreivas*). Атрибутом этого жреца была искривленная палица — *kri-vūlis*. Первый литовский *Krīvis* по имени Лиздейко был именно прорицателем, вещателем судеб и поэтом. Ср. также «кривых» поэтов — слепцов.

²⁷ См.: *De Heer*. *Máχαρ*, εὐδαίμων, δάριος, εὐτυχής. Amsterdam, 1969, а также: *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936, с. 142 и след., 392 и след.; *Она же*. Миф и литература древности. М., 1978, с. 39, 537.

²⁸ См.: *Frisk*, II, 162—163; *Chantraine* III, p. 659. Связь с *μαχρός* отстаивали Курциус, Фик, Прельвиц (см. *Boisacq*, s. v.); о древнеегипетском источнике др.-греч. μάχαρ писали Краппе (*Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes*, 1940, t. 14 (66), p. 245) и Хеммердингер (*Glotta*, 1968, Bd. 46, S. 240).

бенностях др.-греч. μάχαρ, μαχάριος, которые, не будучи латентными, тем не менее, обычно не находят прямого отражения в словарных определениях значения этих слов. Можно напомнить, что μάχαρ и μαχάριος относятся прежде всего к богам, но (вопреки О. М. Фрейденберг) уже у Гомера эта лексема может употребляться и по отношению к людям (ср., например: ὦ μάχαρ Ἀτρεΐδῃ. II. III, 182 — с характерным продолжением: ποιεῖτην ἐς δὲ θεοδαίμον; или же ἄνδρὸς μάχαρος, а также в обращениях типа ὦ μαχάριε, аналогично δαιμόνιε), но таким, которые списаны богами, обласканы или находятся под их защитой и покровительством (ср. показательный контекст — Геспод. «Груды и дни» 159—160) и, следовательно, в чем-то существенном сопричастны божественному началу. Высшая степень этого начала свойственна богам (θεοί, οὐράνιοι)²⁹, прежде всего Зевсу, к которому обращаются μαχάρων μαχάρτατε Ζεῦ! (Эсхил), но оно может быть и на земле, у людей (χθόνιοι) и, наконец, у подземных обитателей или насельников Островов блаженных (ср. Μαχάρων νῆσοι. Пес.³⁰), лежащих на краю земли, далеко за морем, т. е. у покойных, в царстве смерти. Последнее объясняет употребление этого Adj. в связи с покойниками³¹. Поскольку нет особой нужды объяснять, почему покойники трактовались как блаженные³², сейчас уместно отвлечься ради одной типологической параллели, в которой «разыгрывается» та же тема высшей жизненной силы, новой жизни, бессмертия как результата преодоления смерти, прохождения через нее. Сразу нужно сделать оговорку: приводимая параллель представляет обряд элементарного типа, ценный прежде всего своей, так сказать «инструментальной» конкретностью, которая, собственно, и дает возможность новой ориентации в поисках семантической мотивировки понятия того блаженства, которое объединяет богов и покойников и противопоставляет их людям обычного стандартного статуса. Ценность этой параллели заключается еще и в том, что в ней выступает персонафицированный образ смерти ради новой жизни, чье имя является заимствованием из греческого, а именно *Макарка*.

Речь идет об обрядах вызывания дождя, недавно описанных и прокомментированных вкратце в связи с темой др.-греч. μάχαρ, μαχάριος³³. В Полесье в этих обрядах отмеченную роль

²⁹ Ср. у Гомера οἱ μάχραες — о богах.

³⁰ Этим именем назывался и город Оасис в Древнем Египте.

³¹ Подобное употребление открывает, видимо, доступ к пониманию такого выражения, как βάλλ' ἐς Μακαρίαν; ср. *Куда Макар телят не гонял*. К образу страны Макарии ср. также образ Св. Макария, который, судя по его житию, живет на краю земли или должен простоять три года в земле.

³² Достаточно сослаться на обширную литературу (см. прежде всего: *De Heer*. Op. cit.) или на такие диагностически важные случаи, когда, например, значения 'умереть' и 'стать богом (или героем)' передаются одним и тем же словом.

³³ См.: Толстые С. М. и Н. И. Заметки по славянскому язычеству. 2. Вызывание дождя в Полесье. — В кн.: Славянский и балканский

играет бросание («сеяние») в колодец зернышек мака — видуна, освященного на Маковой. При этом воду колотят (или мешают) киечками, палицей, приговаривая: «Макарка, сыночек, вылезь из воды, разлей слезы по святой земле!» (несомненно звуковая ориентация мак: Макарка, под которую подводится и содержательная интерпретация). Сходная процедура отмечена в обряде голошения по утопленнику, когда в колодец также сыплют мак и женщины «голосяць як пу пукойнику»: «Макарко утопйса, Макарко утопйса...». Ранее было показано, что в подобных обрядах можно видеть отражение основного мифа в одном из узловых мотивов наказания Громовержцем своего младшего сына³⁴ путем его расчленения, размельчения, растирания и бросания в воду, в результате чего достигается желанное состояние (в данном случае — плодоносящий дождь; ср. в загадке о маке: «упал на землю мертвым, встал живым»). Имя этого сына в поздней традиции и в одной из версий — Макарка, Макар, и оно, очевидно, связано с маком, который, между прочим, в русской загадочной традиции описывается как Макар Макарович³⁵. Мифопоэтическая связь мака с Макаром несомненно и естественно предположить, что символика вегетативного образа мака (огонь × вода; смерть, кровь и т. п.) подхвачена и антропоморфным соответствием мака — Макаром. Но в контексте др.-греч. μάχαρ и под. в центре внимания оказывается не мак, а Макар, Макарка, имя персонажа с богатыми мифопоэтическими ассоциациями³⁶, о которых в свое время писала О. М. Фрейденберг, и даже не само это имя и стоящий за ним персонаж, а те составляющие, которые определяют и его форму, и его содержание. Конкретно речь идет о соотношении Макара с темой мокрого, мокроты и самого имени персонажа с его греческим источником — Μαχάριος.

В ритуале вызывания дождя, имеющем целью восстановить и увеличить жизненную силу (плодородие), особенно очевидна связь Макара с водой в колодце (ср. мифологический мотив колодца с водой жизни) и через нее с чаемой небесной водой — дождем. Отсюда и вторичное, мифопоэтическое по характеру, сопряжение имени Макар с жокрый, опирающееся прежде всего на семантическую мотивировку этих элементов в обряде. Введение в этот контекст вегетативного символа (мак) позволяет

фольклор. М., 1978, с. 101 и след.; ср. также Топоров В. Н. Др.-греч. μάχαρ, μαχάριος и под. (Marginalia к статьям о маке и вызывании дождя). — В кн.: Balcano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М.: 1979, с. 39—46.

³⁴ Характерно, что в ряде случаев мак в колодец бросают именно малепькие дети.

³⁵ Ср. другой вариант той же мифологемы, где речь идет о попавшем в беду, исчезнувшем, утонувшем Семене, ср. семя, семена — аналогично Макар: мак.

³⁶ Ср.: Я тебя туда спроважу, куда Макар телят не гонял; — На бедного Макара все шишки валяются; — Макара два-раз не женят; — Таким Макаром и т. п.

сразу же определить исходную мифологему воды и огня, в частности, в ее уточненном варианте — мировой огонь среди первородных вод, в их центре. Этот вариант (ср.: *Макарка в воде, мак в воде, огонь в воде* и т. п.) реализуется в огромном количестве ритуальных действий (например, во время купальских праздников или навроза), в специализированных мифопоэтических образах (ср. *трезубец Посейдона* или *Нептуна, лотос* и т. п.), в особых текстах (ср. прения огня с водой) и т. д. В этой перспективе Макарка может быть понята как персонифицированный образ, в котором снимается оппозиция огонь-вода³⁷. Макарка брошен в воду и должен умереть (подобно огню в воде) с тем, чтобы возродиться. Его связь с водой (мокрое) и огнем находит аналогию в образах *Мокрой* и *Огненной Марии, Марины, Макрины*³⁸ или *Мокрой Марии (Макрины)* и *Огненного Ильи* как родителей младшего сына в основном мифе³⁹.

Поскольку *Макарка* связан с водой и смертью (ср.: вода смерти, забвения, мертвая вода *vice versa* вода жизни, живая вода, родимая вода; по Макарке плачут как по покойнику и т. п.), понимаемой как переход к иной, высшей, блаженной жизни (мертвая вода → живая вода), и поскольку рус. *Макар* восходит к др.-греч. *Μαχάριος*⁴⁰, из которого оно и было заимствовано, — возникает соблазн попытаться объяснить и апеллятивное *μάχαρ*, *μαχάριος* в аналогичном контексте, т. е. через семантику некоего водного действия, прохождения через состояние «мокрости» (род помазания). Хорошо известно, что сам статус блаженства, как и вообще посвященности, сакральной отмеченности, в самых разных традициях связывается с прохождением через особый

³⁷ Стоит напомнить, что огонь и вода (молния и дождь) суть те орудия, которыми Громовержец поражает своего противника, в частности, младшего сына.

³⁸ Ср.: *Коли на Макрину мокро, то страда нечестная* (19 июля); *Макрина мокра*, и осень *мокра*... и т. п., а также *Макрину делать*, о купании в засуху баб и девок в одежде с целью вызвать дождь. Характерно, что *Макарий* участвует в наговаривании на воду в заговоре, приведенном у Блока («Поэзия заговоров и заклинаний». — В кн.: *Блок А. Собр. соч.*, т. 5. М.—Л., 1962, с. 53), там же и *Марья*.

³⁹ Персонифицированные образы «мокрыты» могут быть продолжены. Ср.: *в день Мокья мокро, и все лето мокрое* (11 мая) и др. Если идти еще дальше, то восстанавливается схема *Перун* (громовержец) — **Периль* (его жена, имя которой подтверждается, в частности, балтийскими, германскими, древнеиндийскими данными) при **Мокр-* (*Макар, Мокий* и т. п.) — *Мокрина (Макрина), Мокошь* и т. п. с тем же распределением ролей. Ср. др.-рус. *Мокрошь, Мокрешь*, название Водолея. Ср. также балканский ареал топонимов типа *Макреш* (**Макр-ешь*), *Макрешане*, *Μαχρησι*, *Μαχρησια*, о которых см.: *Duridanov I. Die Hydronymie des Vardarsystems als Geschichtsquelle. Köln — Wien, 1975, 132, 195, 201, 361; Он же.* Принципы установления славянских топонимических ареалов на Балканском полуострове. — В кн.: *Перспективы развития славянской ономастики.* М., 1980, с. 41—42.

⁴⁰ Имя *Μαχαρ*, *Μαχαρεύς* носили сын Гелия и Роды (II. 24, 544); сын Эола; один из спутников Одиссея; лапиф на свадьбе Пирифоя.

водный обряд — освящение водой⁴¹. Особенно интересно, что иногда наряду с крещением водой и получением благодати через покаяние отмечается и крещение огнем (и Духом Святым), ср. Мф. 3, 11—12, чему соответствует и двойная гибель мира (как и противника Громовержца в основном мифе) — от воды и от огня (*ἐκπόρευσις καὶ κατακλυσμός*, ср. 2 Петр. 3, 5—7)⁴². В этом контексте, вероятно, не покажется странной (и тем более семантически не мотивированной) связь др.-греч. *μάχαρ* с лексемами, обозначающими мокрое, влажное (иногда — грязное: вода × земля)⁴³ и восходящими к и.-е. **māk-*, **māk-r-*, **māk-n-*, которое отражено с достаточной полнотой в разных индоевропейских языках, занимавших компактную зону между Балтийским и Средиземным морями, от юго-восточной Прибалтики до Балкан (включая предков армян)⁴⁴. Ср. слав. **mokrъ* (:**močiti*, **makati*, **mok-ŋq-ti*, ср.

⁴¹ Ср. о крещении водой и Духом Святым — Мф. 3, 11, 16; Мк. 1, 8, 10; Лк. 3, 16; Ио. 1, 26, 31, 33 и др. Согласно святоотеческой традиции в таком крещении водою и Духом человек вступает на путь спасения и получает при этом блаженство — «сугубую благодать» — «благодать через воду» и «благодать Духа» (Св. Кирилл Иерусал. Catech. IV). Характерно, что и благодать Духа, сошедшая на апостолов в день Пятидесятницы, уподобляется изливаю «духовной воды» (Catech. XVII, 14).

⁴² Ср. соответственно — святая вода (само и.-е. **k'gen-to-* сохраняет еще связи с водной субстанцией) и святой огонь. Уместно предположить, учитывая обильные типологические параллели, что эта последняя была исходной, что опять возвращает нас к двуединому мотиву воды и огня.

⁴³ К связи *μάχαρ* с в о д о й ср. Острова блаженных, название оазиса и т. п. Ср. и более широкий «водный» контекст смерти — похоронная ладья (или корабль), перевоз покойника через реку или море и т. п.

⁴⁴ Следы этого корня известны, видимо, и в древней Италии. См. *Makra*, *Máχρα*, название реки впадающей в Лигурийское море и отделяющей Этрурию от Лигурии. Нельзя пройти мимо и наименования некоторых островов, получивших (хотя и вторично) название *Macaria*, *Μαχαρία* за их особое плодородие (ср. Лесбос, Родос, Кипр; на последнем есть и город того же имени). В Мессении этим именем называли долину по течению реки Памис (Strab. 8, 361); около Марафона был источник *Μαχαρία*, названный, как считалось, в честь дочери Геракла Макария, выступающей (правда, безымянно) в «Гераклидах» Еврипида. Эта безымянная получает целесообразное объяснение: «Имя Макария (блаженная) в V в. до н. э. уже получило значение «покойница» (Роде Psyche 283). Понятно, что при жизни дочь Геракла так называться не могла. Это имя ей было дано лишь после смерти. Вероятно, дело происходило так: когда дочь Геракла поражена жертвенным ножом, ее тело внезапно исчезло, а на том месте, где ее кровь коснулась земли, появился источник. Тогда старшая жрица объявила, что ее богиня приняла убитую к себе как свою «сопрестольницу», что она отныне — героиня и наречена «Макарией», как и источник. Все это рассказывал Демофонт в третьем акте. Так как действие потеряно, то имя Макария и не сохранилось в тексте Еврипида, но сохранилось в списке действующих лиц. При этом объяснении понятно, почему на картине Аполлодора дочь Геракла имени не имела: художник не мог дать живой деве то имя, которое она получила лишь после смерти» (см.: *Анненский И. Ф.* Алтарь милосердия. — В кн.: *Еврипид. Драмы*, т. II. М., 1917, с. 23). Хотя У. фон Виламовиц-Меллендорф заключал, что образ Макария выдуман Еврипидом (De Eurip. Heraclidis IX), в этом образе реализуются глубинные мотивы мифа — смерть как жертва (причем добровольная, а не по жребию, как предлагает Иолай) ради спасения других: *Ο νητ, οσταν, στανικ. Я не хочу | Быть жертвою по жребию; иль этим | Стя-*

**Mok-ošь* и др.); лит. *takōnė* 'грязь', 'слякоть' (: *tak-ėti* 'брести по грязи', 'топтать грязь', *tak-ėnti*, *tak-ėti*, *tak-noti*), *taknā* 'болотистое, сырое место', *taknynė*, *taklynė* и т. п.; лтш. *mā-kōnis* (: *māk-tiēs*), *takņa* и т. п. (ср. местные и водные названия типа прусск. *Macruten*, 1411—1419, лтш. *Makari*, лит. *Makarai* и под., остающиеся не всегда ясными, и многочисленные названия типа лит. *Makys*, лтш. *Maка*, *Makana*, *Makale* и т. п.; алб. *makë* 'пленка на жидкости'; арм. *mōr* 'грязь', 'трясина' (< **māk-ri*). Если предлагаемый круг сопоставлений действительно связан с *μάχαρ*, то это слово, рассматривавшееся как изолированный пережиток гетероклитического склонения (древнее имя среднего рода, ставшее прилагательным архаичного типа)⁴⁵, не только подкрепляется точными соответствиями в виде форм с элементом *-r-* (ср. слав. *mok-rъ* или арм. *mōr*), но и как бы достраивается (в индоевропейском масштабе) до полной (недефектной) гетероклизы — **tak-r-*: **tak-n-*. Такого рода реконструкция источника др.-греч. *μάχαρ* в свою очередь отбрасывает луч света назад, расширяя возможность увеличения круга слов, относящихся к выявленному ядру — **māk-*. В частности, *-ar-* в *μάχαρ* позволяет обратиться к балтийским глагольным образованиям на *-ar-*, *-al-* типа лит. *mākaruoti*, *mākaluoti* 'месить', 'смешивать'; 'махать', 'болтать'; 'бить', 'колотить'; 'брести' ('идти с трудом'), которые в свою очередь этимологически связаны с лит. *takōti* 'брести через грязь' ('месить грязь'). Тем самым, кажется, устанавливается связь между и.-е. **māk-* 'мокрый', 'мочить' и **māk-* 'месить', 'мять', 'давить' (Pokorny I, S. 698; ср. лтш. *mākt*, лат. *massare* < **mās-āre* и др.)⁴⁶, даже 'бить', что заставляет вспом-

жала бы любовь я? Если ж душу | Въ примете мою и умереть | Дадите мне за нѣх по вольной воле, | Без всякого насилья, — я готова. . . — Можно напомнить, что Канарские острова, к западу от Африки, славившиеся своей красотой и изобилием, назывались *αι τών μαχάρων νήσοι* или — в латинском варианте — *Fortunatae insulae*. Разумеется, нужно не забывать и о других отражениях элемента **tak-* в очерченном ареале (ср., напр., *Μάχεστος*, *Macestus*, левый приток Риндака в Мисии, при *Μάχιστος*, *Macistus* в Элиде / если это не то же, что *μήχιστος* 'длиннейший' / и др.).

⁴⁵ Benveniste E. Origines de la formation des noms en indo-européen. Paris, 1935, p. 18; Schwyzer E. Griechische Grammatik, Bd. 1. München, 1939, S. 519 и др. Ср. уже: Brugmann K. — IF, 1905, Bd. 18, S. 434.

⁴⁶ Из форм с аналогичным элементом *-r-* ср. лат. *māceria*, *māceries*, о стене (собств. — 'вылепленное из глины', 'глинобитная стена'). Латинское слово исключительно интересно в том отношении, что оно входит в единый круг лексем, отсылающих как к мотиву мокрого, размокшего (и.-е. **māk-/r-/*), так и к мотиву размягченного, ослабшего, измученного, худого, чахлого, «вытянутого» (и.-е. **māk-*: **māk'-*, **māk'rós* //, см. Pokorny I, S. 699). Ср. лат. *māceratio* 'вы-, размягчивание', напр., *calcis*. Vitruv.), но и умерщвление (*carnis*) при *mācero* 'делать мягким', 'ослаблять', 'мучить', 'изводить', *mācēscō* 'худеть', 'чахнуть', 'истощаться' (: *mācerēscō* 'размягчаться'). Тем самым как бы перебрасывается мостик между двумя разными индоевропейскими корнями, что вынуждает — в известной мере — обратить внимание и на такие рефлексy и.-е. **māk'rós*, как др.-греч. *μάχρός* (ср. *μάχος*, *μήχος*; ср. *Μαχρόνης*: *μαχρόνης* 'стройный'), лат. *mācer* 'худой' (: *mācēō*, *māciēs*), др.-исл. *magr*, др.-в.-нем. *magar*, нем. *mager* 'худой', авест. *mas-* 'длинный', может быть, хетт. *maklanteš* 'худой' и т. д.

нить еще об одном мотиве упоминавшегося ритуала. В обряде вызывания дождя (как и в ряде других ритуалов этого типа) воду мешают, бьют, колотят (иногда то же делается с персонажем, связанным с водой; ср. «разорение» других ритуальных объектов типа купальской куклы, Костромы, Масленицы и т. п.). Наличие соответствующих смыслов в балт. *mak-*, *mak-ar-*, *mak-al-* (ср. лит. *mākāras* 'большая палка') дает, во-первых, возможность для предположения о возможном отражении сходной ситуации в балтийской традиции⁴⁷, и во-вторых, позволяет расширить круг соответствий за счет ряда славянских слов, которые до сих пор в этой связи не рассматривались. В частности, существен учет таких слов, как рус. диал. *макнуть* 'ударить', 'гвоздануть' при более обычном — 'опускать (погружать) в жидкость', 'потоплять (и снова вытаскивать)'. Сам мифолого-лингвистический мотив битья объекта, обозначаемого комплексом **mak-*(-*r*-), апеллирует к разным полюсам — к битью Макара (ср.: *На бедного Макара все шишки валяются*) и его вегетативному варианту (битье — растирание мака в макитре), с одной стороны, и к мотиву поражения (удара)⁴⁸ Громовержцем младшего сына (в трансформации — *Макарка*) или жены (*Мокошь*, в реконструкции), — с другой стороны. Следовательно, и в балто-славянской традиции в связи с тем же элементом **mak-*, **mak-r-* : **tok-* : **tok-r-* возникает мотив смерти (имплицуруемый мотивом удара, поражения). При этом смерть понимается не как абсолютный конец и не как онтологический просчет, несовершенство. Наоборот, она лишь этап перехода к особой полноте и интенсивности жизненного начала, к своего рода блаженству (*μάχαρ*). Отсюда и тождества: умереть = стать блаженным (*μάχαρ*, -ιος), богом (ср. хеттскую традицию или веспасиановское — перед смертью — *Ut puto deus fio*. Sueton. *Vespas.* 23) или как бог, т. е. возвращение к идее, лежащей в основе древнегреческого слова.

Предлагаемая здесь семантическая мотивировка др.-греч. *μάχαρ*, *μαχάριος* и характер распределения рефлексов и.-е. *māk-r-* в древнегреческом и остальных языках (прежде всего в балтийских и славянских) вполне объясняют и само древнегреческое слово и

(ср. известный алтайский мифопоэтический мотив битья, в результате которого герой становится очень худым / или, наоборот, расплющенным, т. е. толстым/, но и очень длинным, высоким).

⁴⁷ Ср. хотя бы такие любопытные контексты, как лит. *Ma kar á i į vandenį ir pasinėre*, т. е. примерно «Скользь (или: бултых! — *makarai*, Interj.) в воду и нырнул» — при *mākaras* 'подвижный, бойкий человек', 'непоседа', 'тот, кто болтается, мешает' (ср. *mākalas* 'болтень', 'мешалка', и т. п.), *makarāla*, *mākaris* (ср.: *Ko tū čia mākarioji kaip koks mākaris*), *mākarioti*, возможно, и *mākāryti*, что ставит под серьезное сомнение традиционную этимологию некоторых из этих слов. В связи таких смыслов, как 'бить', 'колотить' и т. п., с обозначением чего-то непоседливого, прыткого, юркого, ср. рус. *шибкий* (: *шибать*), *бойкий* (: *бить*) и т. п.

⁴⁸ Ср. *таким Макаром*, т. е. 'таким образом'. В обоих случаях просвечивает идея удара (ср. выше о *макнуть*, а также *разить*: *об-раз*).

семантическую филиацию продолжателей и.-е. **māk-r-* в отдельных языках. Становится правдоподобным понимание др.-греч. *μάχαρ*, *μαχάριος* как своего рода по-мазанника, т. е. того, кто прошел соответствующий обряд. Внутренняя форма слов для по-мазанника, как правило, отсылает к обозначению соответствующего действия и вещества — *мазать*, *мазь*. Ср. др.-греч. *χριστός*, т. е. 'Помазанник': *χρίω* (ср. *ἐλαίον χρίω τινά* в новозаветной традиции, продолжающей в этом отношении библейскую); лат. *unctus: ung(u)o: unguentum (unctio)*⁴⁹; нем. *Gesalbte: salben: Salbe*; франц. *oint: oindre (onction): oing*; англ. *anointed: anoint*; и.-е. **māk-r-* (*μάχαρ*, *мокръ* и т. п.) есть не что иное, как обозначение особого состояния — свойства, вызываемого приложением действия, кодируемого элементом **māk-*, к некоему объекту. Более конкретно речь могла бы идти о битье, давлении, перемешивании и т. д., т. е. о действии, в результате которого твердая и имеющая форму (упорядоченная) субстанция превращается в мягкую, аморфную, кашеобразную, мокрую (ср. характерную связь значений в этимологическом ряду рус. *мазать*: др.-греч. *μάσσω/μεμαχμένος* 'давлю', 'мешаю', 'мажу', ср. *μαγίς* 'месиво', 'тесто': лтш. *miūžēt* 'много и жадно есть'; 'колотить'; 'дурачить'⁵⁰, 'мучить'). Принятие этой семантической мотивировки объясняло бы, почему с понятиями собственно мокрого, сырого в древнегреческом связывались слова других корней (*ιχμάς*, *ύγρός*, *νότιος* и т. п.). Впрочем, сама изолированность *μάχαρ*, *μαχάριος* в древнегреческом языке несомненна⁵¹. Возможно, что круг этимологической родни этих слов мог бы быть расширен и еще более⁵².

⁴⁹ Ср. *uncta aqua* как обозначение грязной воды.

⁵⁰ Сочетание этих смыслов точно (и, видимо, не случайно) описывает самые характерные черты шутовского персонажа из италийской ателланы, обжору, дурачка и труса, которого постоянно бьют, толстого Маккуса (лат. *Mac(c)us*). Уже давно было показано (см. *Dieterich A. Pulcinella. 1897, S. 90*), что это слово обозначает бобовую кашу (размягченное, смешанное, полужидкое) и что оно связано с итал. *macaroni* как персонификацией национальной еды (ср. *Джованни Маккарони* как мучное блюдо) и шута, глупости. См.: *Фрейдберг О. М. Указ. соч., с. 175—176*). Ср. также «макаронический» язык, стих и т. п. как образы хаотического смешения разъятых частей. Языковая форма *Mac(c)us, macaroni* в конечном счете, видимо, отсылает нас к продолжениям того же самого и.-е. **māk-r-*: **māk-*. Следовательно, и италийские факты входят в игру разбираемых мотивов. Более того, они помогают обратным образом вернуться к др.-греч. *μάχαρ*- ср. *Μακώ*, имя тупой женщины (*Suid.*), не отделимой от *Mac(c)us'a; μακκοώω* 'быть тупоумным' (ср. к внутренней форме — *(на)битый дурак*); *μακέλη* 'кирка' и под. (ср. *било*), с которым, возможно, связаны лит. *makāras*, о палке, дубине, и не вполне ясное арм. *markeł* 'кирка' (ср. *Frisk II, s. 163—164*) и др.

⁵¹ Показательно, что *μάχαρες* применительно к покойным в прозе отмечено лишь один раз — у Платона. В этом смысле такое употребление слова можно считать признаком поэтического языка.

⁵² В другом месте (Указ. соч., с. 44—46) была высказана гипотеза о лингвистической и культурно-исторической возможности привлечения к разбиравшимся здесь фактам названия фантастического животного (обычно гибридной природы) — др.-инд. *mākara-*. В разных формах это слово

3. *Spart- в индоевропейских языках

Ареал распространения этого элемента очень показателен: *spart- засвидетельствовано в центрально-европейской зоне (балтийский, латинский, фракийский), в южной зоне индоевропейских языков (древнегреческий, хеттский) и на крайнем востоке (тохарский). Тем не менее до сих пор соответствующие факты остаются разрозненными. В сколько-нибудь полном виде они ни когда не были собраны. Более того, то, что было предметом анализа, разъединялось и связывалось с разными источниками⁵³. В результате — серьезное искажение существенного фрагмента индоевропейского словаря, из-за которого остается в тени интересный вариант развития семантики. Выявить его в общих чертах — цель этой заметки.

Наиболее нейтральные (и, так сказать, семантически «немые») факты, практически всегда игнорируемые, доставляет фракийский язык. Речь идет прежде всего о Nom. propr. разных исторических лиц, засвидетельствованных в разные хронологические периоды (с V в. до н. э. вплоть до римской эпохи) и в разных ареалах (Фракия, Рим, Боспор Киммерийский, Египет) и, наконец, выступающих в более или менее различающихся между собой формах: Σπάρταχος, *Spartacus*, Σπάρτοχος, Σπαράδοχος, Σπόρδοχος и др.⁵⁴. Не менее показательны и топонимические данные. Показательно сообщение Стефана Византийского: Σπάρταχος πόλις Θράκης ... τὸ ἐδνικὸν Σπαρτάχιος ἢ καὶ Σπάρταχος (583, 11),

отражено в очень широком ареале, подвергшемся влиянию индийской культуры (от Пянджикента, Хотана, Монголии до Юго-Восточной Азии), ср. наряду с новонид. *makar*, *magar* и др. х.-сак. *magara-*, *tara-*, тох. АВ *mātār*, монг. *matar*, маньчж. *madari*, сантали *maṅgar* и т. п. Существенно, что сколько-нибудь правдоподобный туземный (доиндо-арийский) источник пока не известен. Вместе с тем некоторые ведущие черты макары (вода, плодородие, жизненная сила, счастье) отсылают к уже разобранным выше мотивам. Макарка в воде, в глубине колодца, конечно, живо перекликается с макарой в океане. Сам океан называется «жилищем макары» (ер.: *evam hi khanatām teṣām samudraṃ makarālayam*. . . «пока таким образом они выкапывали океан, жилище макары. . .») (Mahābh. III, 105, 23). Во всяком случае эта тема требует возвращения к себе.

⁵³ Так, древнегреческие и балтийские факты разводятся по двум разным корням — *sper- 'вертеть', 'вращать', 'крутить', 'плести' и *sp(h)er-1 'дергать', 'топать (ногами)', 'биться', 'быстро двигаться' (см. *Pokorný I*. S. 991—993); данные же других языков игнорируются вовсе.

⁵⁴ Ср. единичные формы типа *Spartico*, *Isparticus*, Σπάρτοχος и др. Собрание данных см.: *Detschew D. Die thrakischen Sprachreste*. Wien, 1957, s. v. (Дечев же сопоставляет фракийское слово с др.-греч. σπείρω, σπάρτον; ранние соотнесения слат. *sparus*, -um 'копье', др.-в.-нем. *sper* и др. полностью исключены); *Velkov V., Fol A. Les Thraces en Egypte gréco-romaine*. — *Studia Thracica*, 1977, 4, p. 60—61. Формы на -δοχος отражают на себе влияние других династических одрисских имен типа *Αραδοχος*, *Σάδοχος* и др. В них видят иногда иранский элемент. См.: *Vlahov K. Sind die Wortteile -ΔΟΚΟΣ, -ΤΟΚΟΣ u. ä., die in zweistämmigen PN auftreten, thrakisch?* — *Živa Antika*, 1966, XV, S. 305—319; *Idem. Areale und ethnogenetische Distribution der thrakischen Personennamen*. — *Studia Balcanica*, 1971, V, S. 195—196.

из которого можно сделать вывод, что город был назван по имени его основателя (нулевой тип словопроизводства). Как топоним *Σπάρταχος* входит в ряд других местных названий того же корня: ср. *Σπάρτωλος* (город в Боттии, область Македонии на правом берегу Аксия; ср. соответствующий этникон *Σπαρτώλοι*) и, как можно думать, фракийские (или общие с ними) по происхождению названия типа *Σπάρτη χώρα*, *Σπάρτον ὄρος* (Steph. Byz. 583, 15)⁵⁵. Разумеется, определить изнутри значение элемента *Spart-* в этих случаях трудно и в целом приходится констатировать лишь то, что имя было значимо (т. е. семантическая мотивировка была актуальной для тех, кто пользовался этим именем), во-первых, и что семантика его была положительной, во-вторых. О последнем косвенно свидетельствуют другие имена боспорских и одрисских правителей, поддающиеся этимологизации (ср. *Σπάρτοχος καὶ Παρισσάδης*, где второе имя объясняется как иранское сложное слово — ‘обеспечивающий изобилие’ и, видимо, синонимично — см. ниже — первому имени). В самой яркой и практически единственной характеристике вождя рабов Спартака о нем говорится как об *ὁ μόνον φρόνημα μέγα καὶ ῥώμην ἔχων* (Plut. Crass. 8, 3), т. е. подчеркивается сила, мощь, крепость — именно те свойства, которые кодируются (см. далее) корнем **spart-*.

Другой полюс образуют балтийские факты, которые при совершенно ясной и тождественной фракийским примерам форме очень полно выявляют семантику, связываемую в балтийских языках с элементом *spart-*. Достаточно напомнить лишь о части примеров: лит. *spartūs* ‘обильный’, ‘плодородный’ (особенно в старых источниках, ср. словари Руига, Руига-Мильке, Несельмана, Куршата); ‘быстрый’, ‘скорый’, ‘живой’, ‘интенсивный’, ‘энергичный’, ‘деятельный’; *spartà* ‘скорость’, ‘быстрота’, ‘темп’, ‘живость’, *spartis* ‘(быстрый) темп’, *spartūmas* ‘быстрота’, ‘энергичность’ и т. п., *spartuōlis* (*spartuōliškas*, *spartuoliškūmas*), *spartėti* ‘ускоряться’, ‘становиться быстрее, живее, интенсивнее’, *spartinti* ‘ускорять’ и т. п.; лтш. *sparš* ‘сила’, ‘размах’ (из **sparts?*; ср., однако, *sparuōties* ‘усердствовать’, ‘проявлять рвение’, ориентирующееся уже на *spar-*, а не на *spart-*⁵⁶; прусск. *sparts* как перевод нем. *müchtig* (R III, 55, 17) и *sehr* (R III, 67, 14: *sparts labban* ‘sehr gut’); *spartin* ‘сила’ (R III, 33, 5), *spartisku* (*en stessei spartisku* «an der stercke» R III, 53, 28), *spartint* ‘усиливать’ и др.⁵⁷. Прусские примеры в отношении семантики объединяются с латышскими и архаичным слоем в литовском (кстати, фиксируемым в Прусской Литве). Сама иерархия смыслов в лит. *spart-* также приводит к выводу о том, что с этим элементом связывалось значение обилия и силы как проявления плодородия, спорости, некоего жизненного избытка.

⁵⁵ Подробный анализ см. в статье автора: фрак. *Σπάρταχος* в индоевропейском контексте (в сборнике, посвященном Ф. Безлаю).

⁵⁶ То же относится и к *sparīgs* ‘напористый’, ‘энергичный’, ‘ревностный’, ‘сильный’ *spariba* и т. п.

⁵⁷ См.: *Fraenkel*, S. 861—862.

Смысловой слой, связанный с обозначением быстроты, скорости, несомненно, вторичен. Он легко объясняется в свете такой параллели, как слав. **sporъ* 'спорый', обозначающий как 'обильный', 'сильный', 'зрелый', так и собственно 'спорый', 'скорый' и т. д. Поэтому есть основания считать, что и фрак. *Σπαρτ-* передавало тот же круг значений, что и балт. *spart-* в его архаическом слое. Кстати, фракийско-балтийские параллели в связи с элементом *spart-* имеют продолжение и на топонимическом уровне: уже отмечавшееся *Σπάρτη* *χώρα* точно соответствует лит. *Spartū kaimas*⁵⁸ в обоих своих членах и теоретически может быть возведено к и.-е. **Spart-* & **k'ō(i)mā* (ср. др.-греч. *χεῖμα*: 'лежу', с одной стороны, и лтш. *ciems*, гот. *haims*, др.-исл. *heimr*, ср.-ирл. *cóim*, *cóet* и т. п.⁵⁹ — с другой).

И общие соображения о структуре индоевропейского корня, и конкретные данные предполагают понимание *-t-* как расширения корня. Этимологический контекст комплекса **spar-t-* получает существенное расширение при обращении к формам без этого *-t-*. Здесь достаточно остановиться вкратце на двух совокупностях фактов, значительно расширяющих семантическую основу дальнейших разысканий. Во-первых, заслуживают внимания такие балтийские примеры, как лит. *sparūs* 'пружинистый', 'упругий', 'гибкий', 'бойкий', 'живой'; 'бережливый'; *spāras* 'стропило', 'подпорка', 'стойка', 'опора' (: *spirti* 'подпирать', но и 'пружинить' и т. д.). Во-вторых, нельзя игнорировать богатую семантическую историю слав. **sporъ*, о которой можно судить хотя бы по тому «разбросу» значений, который свидетельствуется конкретными славянскими языками. Ср. словен. *spór* 'обильный', 'питательный', с.-хорв. *спѡр* 'медлительный' (← 'неповоротливый' ← 'тучный'), 'длительный'; чеш. *sporý* 'крепкий', 'коренастый', 'сжатый', 'насыщенный', 'плодородный'; 'бережливый' (ср. *spofiti* 'сберегать'); 'емкий'; словац. *sporý* 'щедрый', 'обильный', н.-луж. *spóru* то же, но и 'бережливый', в.-луж. *spory*, польск. *spory*; рус. *спѡрый* 'удачный', 'выгодный', 'успешный'; 'быстрый', укр. *спѡрий* 'быстрый', 'успешный', 'объемистый' и т. п.⁶⁰ И внутренняя реконструкция семантики праслав. **sporъ*, и данные внешнего сравнения (ср. лат. *pro-sperus*, др.-инд. *sphāra* и т. д.)⁶¹ приводят к выводу, что элемент **spor-* был связан с по-

⁵⁸ Ср.: Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas. II dalys. Vilnius, 1976, с. 286. Ср. также лит. *Spartas*, озеро, о котором см.: Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas. Vilnius, 1963, с. 153; *Vanagas A.* Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970, p. 50.

⁵⁹ Оба элемента сочетания **Spart-* & **k'ōim-* обнаруживают семантическую близость: и тот и другой корень могут обозначать некий материальный избыток, приплод, достояние; ср. лит. *keimarỹs*, *keimerỹs* 'сросшиеся вместе плоды', 'двойчатки', 'спорыш' (кстати, слово *спорыш* содержит тот же элемент, что и **spar-t-*, см. ниже), с одной стороны, и др.-греч. *χεῖμήλιον* 'достояние', 'ценность', 'сокровище', 'имущество', — с другой.

⁶⁰ Сюда же, конечно, относится и такие имена, как болг. *спор* 'прибыль', 'уржай', блр. *спор* 'успех', 'прибыль' и т. п.

⁶¹ Ю. Покорный (J, S. 983) связывает этот круг слов с и.-е. **sp(h)ē(i)-* : **spi-*: **sphē-*, а также **sphə-ro-*, которое ошибочно отделено от **sp(h)er-*

нятием полноты, набухания-распухания, прибыли, избытка, а также обозначал и сам символ избытка в его вещественном (вегетативном) и персонифицированном воплощении. Ср. слав. **spor-yšь*, **spor-yn-* и под.: рус. *спорышка*, *спорышок* 'двойчатка ореха', *Спорыш*, *спорышенчик*, блр. *спарына* 'двойное зерно', *Спарыш* и т. д. как обозначение мифопоэтического и ритуального персонажа (Nom. progr.), духа обилия, избытка, урожая, выступающего в песнях жнивного цикла⁶². Очень важно то обстоятельство, что эта же лексема обозначает и растение, значение которого мотивируется как 'обильное', 'многоплодное', ср. словен. *sporiš* 'Verbena officinalis', с.-хорв. *спрши* 'тысячелистник' (но и *спр!*); чеш. *spoříš*, словац. *sporýš*, польск. *sporzyisz* и т. д.; рус. *спорыш* 'Polygonum aviculare', укр. *спрши* и т. д. Наличие растения с такой семантикой его названия обусловило и то, что само это растение стало одним из выразительных символов многоплодности, избытка (кстати, именно мотив чрезмерности объясняет и случаи «ухудшения» семантики слова)⁶³. Беспорность триадической схемы типа слав. **sporyšь* 'зрелость', 'обилие': **Sporyšь*, персонифицированный избыток: **sporyšь*, растение — символ плодородия⁶⁴, делает оправданным поиск третьего (вегетативного) члена и к фракийской паре **spart-*: *Σάρταχος*. Его косвенное отражение можно видеть в др.-греч. *σάρτος* 'дрок', 'шильная трава', '*Spartium junceum*', используемая для плетения корзин и витя веревки; ср. также *σάρτη*, но и *σάρτων* 'альфа или эспарто' (многолетняя трава, также употребляющаяся для плетения), 'жгут из дрока', 'веревка', 'канат'; *σάρτιον* 'веревка из дрока' и т. п. Этимология этих слов до сих пор оставалась неизвестной⁶⁵. В предлагаемом здесь контексте эти греческие слова (позже они были заимствованы в латинский, где образовали целую словообразовательную семью: *spartum* 'шильник', *spartarius* 'изобилующий альфой', *sparteus* 'изготовленный

'попирать', 'пружинить(ся)', 'бросать' (ср. нем. *schnellen* 'бросать'; 'пружинить', 'подскакивать' при *schnell* 'быстрый', 'спорый', а также эти же значения в лит. *spart-*, см. выше).

⁶² Ср.: *Ай хадзіў Спарыш з канца вуліцы ў канец... или: А наш прыгоняты, | Белый, кудреватый, | По полю ходит | Да жней прыгоняет... | Спасибо, спорышенчик, | Что по полю ходил... и т. п.* Между прочим подобные тексты распевались и после первой брачной ночи, которая и сама нередко уподобляется жатве. Отсюда и другие возможности толкования слов *спорыш*, *спорышенчик*. Ср. также соответствующий глагол со значением 'умножить', 'прибавить' (укр. *Спори, Боже, хліба-соли і всього доволі*; рус. *Спори, Боже, мушца, а водицы и сама приспору*; или белорусское обращение к Спорышу с просьбой *прыспорыць і ў домі, і ў полі, і ў клеці, і ў печы*).

⁶³ Ср. рус. *спорышбнок* 'уродливое яичко', 'выносок', 'запорток' и т. п.

⁶⁴ Ср. фрагментарно близкие типы: **por-* 'сила', 'зрелость': *Porreum* (*Porreuthus* в латинской записи, ср. др.-греч. *Πόρος*, старейшее /'сверхзрелое'/ божество); **jar-*: *Ярила*, *Яровит*: *яровое*; лтш. *jumis*: *Jumis*; др.-инд. *bhaga-*: *Bhaga-* и т. п.

⁶⁵ Ср.: «Pas de rapprochements hors du grec» (*Chantraine* IV, p. 1033); *Die übrigen Sprachen helfen nicht weiter» (Frisk* II, S. 758—759); см. также *Boisacq* s. v.

из альфы', *sparteolus* 'пожарный', т. е. снабженный веревками из альфы, *spartea* 'подошва из альфы' и др.) могут быть сопоставлены как с реконструируемым фрак. **spart-*, так и с балтийскими словами этого же корня. Значения *σπάρτος*, *σπάρτων* также отсылают к идее плодородия и обилия жизненных сил. Дело в том, что дрок (*σπάρτος*) во многих традициях выступает как яркий символ производительной силы (впрочем, известна и иная символическая интерпретация дрока, — ср. «La Ginestra o il fiore del deserto» Леопарди), что очевидно уже и на языковом уровне. Ср. рус. *дрок*, растение 'Genista', 'Linum flavum', 'Chelidonium majus' и т. п. (также ф а л для подъема снасти, реи) и *дрок* 'ярение', 'неистовство'⁶⁶, *дрóка* 'нега', 'ласка', 'холение' и т. п.⁶⁷, *дрочить* в разных значениях. Нужно подчеркнуть, что растения с длинными стеблями, кистями, используемые для плетения и витья (к ним как раз и принадлежит дрок — *σπάρτος*), нередко выступают в мифопоэтическом сознании как символы умножения, увеличения, укрепления, как образы возрастающего изобилия. Иногда и сами продукты плетения и витья (корзины, веревки, сети и т. п.) трактуются в том же ключе⁶⁸, ср. такие маркированные образы плетеной верви или нити, как *Catena aurea* или *Sūtrātman* и т. п.⁶⁹

В связи с темой растения для плетения и витья, а также переплетенности, перепутанности и т. д. уместно сделать два важных и до сих пор не отмеченных «подключения» к истории и.-е. **spart-*. Во - п е р в ы х, речь идет о таких тохарских фактах, как тох. *A spartu* 'клок волос', 'локон', 'завиток', 'кудрявые волосы'⁷⁰, 'бахрома'; 'затейливый', 'вычурный', существительное, связанное с соответствующим глаголом и восходящее, согласно ван Виндекенсу, к и.-е. **sportyo-s*, Nom. Sg. (к которому в свою очередь восходят и тох. *В spertte* 'поведение', и ст.-лит. *spartas* 'связь') — от *spārtw-*, *sparcw-* 'скручивать', 'сгибать', 'скатывать'⁷¹. Се-

⁶⁶ Ср.: *Весной на скотину нападает дрок* (см. Словарь русских народных говоров, вып. 8, 1972, с. 198).

⁶⁷ Ср.: *Я у матушки в дроке сердешной* (там же, с. 198) или: *Жил-был я у батюшки единый сын; во дрок ушке был у матушки, и во любви был у батюшки. Охоч-то я был, молодец, гулять-разгуливать...* (Ф. Сологуб. — «Ванька-ключник и паж Жеан» — по материалам народных песен о Ваньке-ключнике).

⁶⁸ Естественно, лат. *sporta* 'корзина', 'плетенка' или лит. *spārtas* 'Band' относятся к анализируемому здесь комплексу.

⁶⁹ Ср.: *Eliade M. Spiritual Thread, Sūtrātman, Catena Aurea.* — In: *Festgabe für Herman Lommel*. Wiesbaden, 1960, S. 47—56.

⁷⁰ Ср. выше о кудреватом Спорыше.

⁷¹ См.: *Poucha P. Thesaurus linguae tocharicae dialecti A. Praha*, 1955, p. 385 (*spartu* 'cirrus', 'cinninus'); *van Windekens A. J. Op. cit.*, p. 436—438. Сам глагол тох. *A spārtw-*, *sparcw-*, *spārt-*, тох. *В spārtt-*, *sport(t)-*, *spyārt-*, **spārt(t)-* 'вращаться', 'поворачиваться', 'вести себя'; 'оказываться' (тох. *A*) и т. п. (ср. тох. *A spārtweñc*, Conj. act., *spārtwłune*, *swārtwłune*, Subst. deverb., *spārtwā*, Praet. act., *saspārtu*, Partic. praet. caus. и др.; тох. *В spārttau*, Conj. act., *spārtallñe*, Subst. deverb., *paspārttau*. Partic. praet., *spyārta*, Praet. act. caus., *pešpirttu*, Partic. praet. caus., *spertte*, Subst., *espiritatte*, Adj. privat.), для кото-

мантическая мотивировка тохарского слова — то, что изогнуто, скручено, свито, сплетено (переплетено), как и — другой вариант — в лат. *sporta* 'плетенка'. Во-вторых, в указанном контексте обретает новые возможности объяснения и название Спарты — Σπάρτη⁷², суть которых, говоря в общем, состоит в приближении к предложению У. фон Виламовиц-Мёллендорфа считать, что название Спарты было дано «nach dem Riedgrass des Eurotas»⁷³ или «nach den Binsen des Eurotas». Это сближение названия Спарты с названием растения, не вызвавшее никакого доверия у современников⁷⁴, сейчас может быть подкреплено некоторыми существенными аргументами. Прежде всего можно указать на наличие целого ряда подобных топонимов и гидронимов типа фрак. Σπάρτη χώμη, или Σπάρτων ὄρος, или лит. *Spartai*, *Spařtas*, распространенных в меридиональном поясе от Балтики до Балкан. Кроме того, стоит подчеркнуть обычность, естественность и распространенность такого принципа названия и семантической мотивировки местных и водных названий. Эти предпосылки позволяют выдвинуть гипотезу, суть которой сводится

рого ван Виндекенс полагает в качестве исходного значение 'tourner' (и соответственно всю семантическую эволюцию рассматривает по аналогии с и.-е. **uert-*, ср. др.-инд. *urt-* и т. п.), связывается этим исследователем с такими рефлексами и.-е. **sper-*, **sper-t-*, как др.-греч. σπείρα, σπάρτη, σπάρτων, ст.-лит. *spartas* (ср. также: Orbis, 1970, t. 19, p. 440 и след.). Однако при определении исходного значения глагола нужно помнить, что элемент *-w-* отсылает к именному элементу *-u-* (тох. А *sparcw-*, строго говоря, предполагает **spart-eu-*); следовательно, важно знать исходное значение самого имени (Subst., Adj.). Вообще «разброс» значений в глаголах с элементом *spart-* по разным индоевропейским языкам несравненно шире и рельефнее, чем в соответствующих существительных или прилагательных.

⁷² Уже в классической древности Σπάρτη сопоставлялось (но только в виде сугубой шутки) с др.-греч. σπάρτων, σπάρτιον, см.: Kratinos frg. 110 K I. 49 у Poll. X, 186 и Aristoph. Av. 815 f. Ср.: Schol. Eustath. II. 294, 33; Od. 1394, 52.

⁷³ См.: Wilamowitz-Möllendorf U. van. Die Ilias und Homer, S. 337; ср.: Idem Pindar, S. 323.

⁷⁴ Отрадно, что Шантрен считал возможным (правда, без каких-либо разъяснений) назвать это сближение «plus plausible», чем более или менее традиционное соотнесение с др.-греч. σπείρω. См.: Chantraine IV, p. 1033. Ср. ядро семантической мотивировки уже в словах спартанки Елены из одноименной трагедии Еврипида: Σὲ γὰρ ἐκάλεσα, σὲ δὲ κατόμοσα, | τὸν ὄρνευτα δόναχι χλωρῶν | Εὐρώταν, θανόντος... «Тебя призываю я с клятвой | Тебя, в т р о с т н и к а х зеленых | Еврот мой студеноструйный...» (348—350). Впрочем, в более широкой перспективе эта мотивировка, пожалуй, не исключала бы и связь указанных слов с др.-греч. σπείρω 'сеять' и т. п., ср. особенно σπάρτος 'посеянный', Σπάρτος, о «спартах», выросших из посеянных Кадмом зубов дракона (ср. в «Вакханках»: *Теперь же я из дому, пожалуй, выгнан | с позором буду я, — великий Кадм, | Тот Кадм, что здесь, посеяв род фиванцев, | Такую ж а т в у дивную собрал...*, ср.: ... ὁ τὸ Θηβαίων γένος | ἐσπεῖρα κάζημυσα κάλλιστον θέρους (1314—1315), что отсылает к кругу слав. **spor-* и т. п., акцентированному скорее резульатат сеянья, чем само сеянье (в таком случае соотношение **sper-*: **spor-* могло бы интерпретироваться в терминах действия и его результата, начала и конца единого действия — получения приплода, урожая). О σπάρτος см.: Paus. IX 10, 1; Apollod. III, 4,3—5; Plat. Tim. 42d.

к тому, что элементом Σπарт- некогда могла обозначаться р е к а (ср. мифопоэтический образ реки как переплетения потоков, свивания струй), протекающая у города и известная как Εὐρώτας. Это древнегреческое название реки может, видимо, толковаться как сочетание εὖ-, 'хорошо' и глагольного корня ρω-, связанного как с семантикой силы, здоровья (ср. ῥώωμι 'усиливать', 'напрягаться', 'быть здоровым'), так и с семантикой бурного, быстрого движения (ср. ῥώομαι 'быстро двигаться', 'стремиться' и т. п.). В обоих случаях Εὐρώτας через свои значения («исполненная большой силы, энергии» или «бурно, быстро текущая» река) соотносился бы с лексемами корня **spart-*, обозначающими, например, в балтийских языках, и силу, энергию, и быстроту, скорость. Уместно напомнить, что Эврот отличается исключительной прихотливостью и бурностью своего течения (начиная на склоне горы Βόρειον, он вскоре скрывается под землю, вновь выходя наружу в Скиритидской области; по течению Эврота — много порогов и водопадов). Тем самым Εὐρώτας и Σπάρτη могли бы толковаться как синонимы, как взаимный перевод друг друга. В этих условиях естественно думать, что этимологически и словообразовательно ясное для греков название Εὐρώτας могло быть к а л ь к о й ставшего непрозрачным для более позднего населения названия Σπάρτη. Следовательно, топоним Σπάρτη, предполагающий соответствующий гидроним, должен был принадлежать архаическому слою греческого языка, живая связь с которым была уже порвана, или, вернее, некоему общему для Южной Греции и Фракии субстрату⁷⁵. Этот последний вариант решения пока не отличим практически от варианта заимствования из фракийского или какого-нибудь третьего языка в древнегреческий. То же, конечно, относится и к σπάρτος, σπάρτον и т. п.⁷⁶.

И в заключение — еще об одном члене семьи лексем с элементом **spart-* в индоевропейских языках, а именно о хеттском глаголе (I, 1b) *išpart-* 'hochkommen'; 'bestehen bleiben'; 'entkommen', 'sich retten'; 'heil davonkommen', ср. также *piran arha išpart-* 'vor jem. davonkommen'; *šarā išpart-* 'aufspringen'; 'aufstehen'; 'entstehen'; 'zur Regierung kommen'⁷⁷. Хотя многие частные детали, войти в рассмотрение которых здесь не удастся, остаются пока в тени, можно с уверенностью сказать, что глагол *išpart-* надежно включается в проанализированный круг слов. Семантическая мотивировка таких значений, как 'подниматься вверх', 'занимать высокое положение', 'прийти к власти', выступающих

⁷⁵ Ср. отсутствие древнегреческих вариантов типа *σφарт, σφорт (и.-е. **sp/h₁er-*) при σπυρίς 'плетеная корзина', но ионийск. σφυρίς (иногда через σπυρίς и этрусское посредничество объясняют и лат. *sporta*) или же σπάρω 'дергаться', 'метаться', но σφυρόν 'лодыжка', 'пята' и т. п.

⁷⁶ См.: Топоров В. Н. Др.-греч. Σπάρτη и фрак. *spart-*. — Симпозиум «Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика. История. Археология». 2—4 декабря 1980 г. М., 1980, с. 55—59.

⁷⁷ См.: Friedrich, S. 90. К естественному хеттскому афлауту на *i-* ср. аналогичную форму фракийского Nom. propr. *Isparticus* (CIL 10, 1974).

в более или менее отчетливых контекстах хеттской «табели о рангах», и — тем более — таких, как 'преодолевать', 'выдерживать', 'освободиться', 'уйти здоровым (невредимым)', предполагает указание некоего положительного полюса, связанного с возрастанием силы (социальной) или сохранением ее (физически), выведением ее из-под угрозы, из состояния опасности (идея «сбережения», ср. лит. *sparùs* или чеш. *sporý* в значении 'бережливый'), т. е. как раз то, что так рельефно представлено в рефлексах балт. *spart-* и слав. *spor-*⁷⁸. Некоторые хеттские фрагменты, в которых встречается *išpart-*, могли бы быть идеально переведены на литовский или прусский при помощи глагольных форм с корнем *spart-*.

Вяч. Вс. Иванов

К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ МИГРАЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ТЕРМИНОВ

1. Лик. *teteri* 'город': урарт. *patari* 'город': этеокипр. *matori* 'город'

Найденная в 1973 г. ликийско-греческо-арамейская трехъязычная надпись удостоверяет значение лик. *teteri* 'город', выступающего (в строке 13-ой надписи) в качестве эквивалента греч. ἡ πόλις¹, а также (в строке 31) в целостном сочетании *teteri Arīnas* 'город Арна'² (при Ἐάνθιοι в греческом тексте надписи), ср. в других ликийских надписях: *ḡḡneti teteri* 'город основывается' (TL 44a, 14; 65, 21); *kumezeini: teteri* 'чтобы город освятил' (TL 65, 12); *kumeze:iti teteri: Isñt[e]* 'город Исинды освятит'

⁷⁸ В качестве типологической параллели, объединяющей глагольные значения в хеттском и литовском с семантикой зрелости, силы, избытка, ср.: *speshĩtĩ* ('быстро идти', 'торопиться', ср. лит. *spařtinti*) — *uspeshĩtĩ* (в частности, 'успешно продвигаться', 'иметь успех' и т. п., ср. хетт. *išpart-*) — *nospešĩtĩ*, *spėšĩtĩ* (т. е. находящийся в силе, в состоянии зрелости, изобилия, ср. лит. *spartũs* и др.).

¹ *Laroche E.* L'inscription lycienne. — In: Fouilles de Xanthos, t. 5, Paris, 1979, p. 58, 59, 63, 66, 67, 80, 109, 112 (n. 1), 121.

² Предполагается, что ликийское название города Ксанфа *Arīna* восходит к древнему малоазиатскому топониму *Arinna* (ср. *Laroche E.* Op. cit., p. 62, n. 6, 103, n. 6). Слово происходит из хаттского, где, судя по гетерографическому написанию *TUL-na=Arinna*, оно имело значение 'источник', что позволяет допустить его генетическую связь не только с хуррит. *arinni* 'источник' (возможное хаттское заимствование), но и с восточно-кавказским названием источника, архаическая форма которого сохранилась в удин. *ор-эин* (см.: Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. Под ред. Б. Б. Муркелинского. М., 1971, с. 189). После начального *ar-* (видимо, древний префикс именного класса вещей) в хаттской и хурритской форме исчезла согласная, соответствующая восточно-кавказской геминированной аффрикате *cc.